

ЧЕТЫРЕЖДЫ ОМОЛОЖЕННЫЙ

ГАЛИНА АНТИПОВА
Родилась в Москве.
С 1980 года работает
в Государственном музее
В.В. Маяковского, была
хранителем рукописного
фонда, сейчас научный
сотрудник. Автор популярных

и научных статей о творчестве Маяковского, книг «Я еду удивлять! Марш поэта по стране и миру» (2021) и «Не тановский Маяковский! Игры речетворца» (2023), нуратор ряда выставочных проектов.

Исполняется 130 лет со дня рождения Владимира Маяковского. В своей последней вещи «Во весь голос», обращаясь к потомкам, он обещал: «Я к вам приду в коммунистическое далеко». С тех пор коммунизм стал еще дальше прежнего, а Маяковский, оказывается, никуда и не уходил. Все это время он был рядом с нами, но всегда разный, и возраст его как будто тоже менялся.

В 30-е годы он стал очень серьезен и величественен – «лучший и талантливейший», растиражированный не только книжными изданиями, но и бесконечным цитированием везде: в газете, на радио, плакатом, призывом, лозунгом... Он постоянно присутствует в массовом сознании даже не читателя – просто гражданина этой страны. И это то, к чему сам поэт стремился: поэзия в гуще жизни, славящая и обличающая, нужная всем – знамя эпохи. Правда, Борис Пастернак, которого тоже недолго, но прочили в «лучшие и талантливейшие», назвал такую посмертную жизнь «второй смертью»: «Маяковского стали насаждать, как картофель при Екатерине». За тотальным грохотом строк стало невозможно расслышать поэзию, увлекавшую молодежь и в 10-е, и, по-иному, в 20-е годы. И уже в оттепельное время Маяковского облекли в ненавистное ему «бронзы многопудье» – памятник на московской площади его имени.

Но под этим памятником собирались читать стихи жаждавшие движения вперед (многие из них вскоре стали диссидентами). Посередине между памятником Маяковскому и домом, где родился Пастернак, расположилась редакция журнала «Юность» – органа всего, что было свежего в подцензурной печати. Молодой, но уже маститый Евгений Евтушенко в этом журнале обращался к обоим: «Дай, Пастернак, смещение дней, смещение веток... чтобы вовек твоя свеча во мне горела»; «Дай, Маяковский мне глыбастость, буйство, бас, / непримиримость грозную к подонкам, / чтоб смог и я, сквозь время прорубясь, / сказать о нем товарищам потомкам». Наступила эпоха поэзии для стадионов – громкой, фрондерской, дерзкой, очень живой и молодой. Стих Маяковского, его голос, поэтическая интонация словно и вправду прорвали «громаду лет», и сам он как будто бы встал рядом на эстраде с голосистыми энтузиастами 60-х, и даже в том же Политехническом музее.

Маяковский отозвался и в знаменитом «бунте 80-х». Яростное гражданство авангарда 20-х – в андерграунде 80-х: революционная риторика, преувеличенный подростковый максимализм, плакатный схематизм и антитеза «мы – они», рок на баррикадах. «Война – дело молодых, / лекарство против морщин...» Словом, «Пощечина

общественному вкусу». Последующее десятилетие до странности напоминало то, что происходило с революционно-романтическим сознанием в 20-е годы. Стремление интегрировать его в пространство массовой культуры и социального заказа в случае Маяковского породило внутренний конфликт и глубокий духовный кризис, и это же послужило причиной тотального поражения рок-героев в эпоху 90-х. Первоначальный пафос звучит пародией: «Правофланговый всегда, да-да, прав! / Диктатура труда. Дисциплинарный устав. / На улицах чисто. В космосе мир. / Рады народы. Рад командир» (К. Кинчев).

Не случайно Маяковский почти обожествлял понятие молодости. Радикализм юности всегда отзовется на бескомпромиссность, отчаянный пафос и напряженный лиризм его стихов. Убеждение «мы другие», «я другой» – максима очень молодого, высокомерно-непримиримого сознания. В последние годы мы видим, как поэзия Маяковского зазвучала совсем непривычно, по-новому в головах совсем молодых. Акцентный стих в рэперском исполнении звучит повсюду – в театре, в метро, в интернете. И это оказалось неожиданно хорошо, особенно ранние стихи, написанные в столбик. В этих стихах фраза раннего Маяковского разбивается на элементарные, «простые, как мычание» стиховые жесты, «сгустки речи»: выкрик, стон, спазм и т. п. Длинный стих дробится на маленькие сегменты, каждый из которых дает новую интонацию. Это воссоздает психофизику, или, вернее психомоторику лирического героя и замечательно ложится на бит. Художественное пространство стиха от этого становится еще напряженнее, динамичнее. Декларативные же стихи Маяковского, прочитанные как рэп, утрачивают лозунговую одномерность инвективы за счет нарастающего форсажа голоса и сбивой, разговорной интонации. Получается то самое, про что поэт говорил: «Буду долго, буду просто / разговаривать стихами».

Маяковский актуален не только как поэт. Прямым продолжением футуристических традиций («Улицы – наши кисти, / площади – наши палитры») стал в последние годы бум уличного искусства – граффити и стрит-арта. Стрит-арт-художники постоянно играют со словом и образом. Урбанистические стихи Маяковского, являясь знаковой частью культурной городской среды, по-новому актуализируются в их работах.

Мы видим, как с каждым новым поколением все моложе и моложе становятся те, кто испытыва-

ет потребность обратиться к Маяковскому. Так строка из поэмы «Про это»: «Четырежды составюсь – четырежды омоложенный» – обернулась странным предвидением. Что ждет Маяковского в будущем, только будущее и покажет. Наверняка оно окажется не тем, которого ждал поэт, но почти наверняка – не станет к нему безразличным.

